

ПРИКЛЕЕННАЯ

— Па-о-лина! — голос папы донёлся откуда-то из коридора. — Пора вставать!

«Ну уж нет», — подумала Паолина.

Она быстро покосилась на дверь и зажмурила глаза так сильно, как если бы пыталась скрепить веки воображаемым клеем.

Может, и не звал её никто — просто показалось.

— Паолиночка? — папин голос звучал всё ближе. — Ты ещё спишь?

Паолина застонала. Убеждать себя в том, что папин голос ей только мерещится, было бесполезно.

— Ой, — пропищала ярко-жёлтая птичка Лили. Она сидела на подушке почти вплотную к правому уху Паолины, сжавшись в комочек: — Он же сейчас войдёт!

— И начнёт тебя щекотать, — промурчал серый плюшевый кот Кнутфеликс.

Кнутфеликс в обнимку с Шарли-Шлаппо, коричневым игрушечным зайцем, примостился под боком у Паолины.

— Ты будешь хохотать до колик в животике, — прошептала кудрявая овечка Вильма и плотнее прижалась к Паолининой щеке.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл папа.

— Паолина? — позвал он. — С тобой всё хорошо?

— Нет, — ответил за неё енот Тимитом. — Она ничего не слышит.

— Ну и дела, — покачал головой папа. — Тогда мне, пожалуй, придётся немного её пощекотать.

— Не-е-ет! — взвизгнула кудрявая овечка Вильма. — Она же будет хохотать до колик!

— И тогда уж точно ничего не услышит, — проворчал Кнутфеликс. — Совсем-совсем.

— Хм, — задумался папа. —

И что же нам делать?

КНУТФЕЛИКС

Воображаемый клей соединил веки Паолины крепко-накрепко, но слух и фантазия остались при ней: она легко представила, как папа задумчиво чешет подбородок.

— Быть может, моя Паолина заболела? — продолжил размышлять вслух папа.

Он осторожно пощупал лоб дочери.

— Температуры точно нет.

— Зато болит горло, — пожаловался Кнутфеликс.

— И мурашки по всему телу, — пропищала Лили.

— Даже на попе, — наябедничал Тимитом.

Паолина хмыкнула.

Хи-хи-хи! Тимитому почти удалось её рассмешить, но, к счастью, папа не усомнился в серьёзности положения.

— О боже, боюсь, Паолина заболела смешинкой, — испуганно заявил он. — Это ужасно опасно, ведь смешинка может перерасти в настоящее хихиканье, которое нередко заканчивается ужасающим приступом смеха!

— И тогда Паолине точно несдобровать, — с ужасом добавила кудрявая овечка Вильма.

Папа упёр руки в боки, скривил рот и покачал головой.

— Мы не можем рисковать, — сказал он, — нам нужно срочно прекратить смеяться и завести серьёзный разговор.

— А кому с кем? — уточнил Кнутфеликс. — Нас тут много!

— Ну да, — задумался папа. — Я готов поговорить с любым из вас, лишь бы выяснить, почему Паолина сегодня не хочет вставать.

— Думаю, она приклеилась к матрасу, — сказал Тимитом.

Паолина слегка приоткрыла один глаз и успела заметить, что папа нахмурился.

ТИМИТОМ

ЛИЛИ

— Что ж, тогда мне придётся попросить нашу соседку госпожу Рёзель, чтобы она помогла мне отнести Паолину в школу вместе с матрасом, — ответил папа и развернулся к двери.

— Не надо, пожалуйста! — вырвалось у Паолины.

Вообще-то это прокричал Шарли-Шлаппо. Просто он ненадолго одолжил голос у Паолины.

— А почему нельзя попросить маму? — пробурчал Кнутфеликс.

— Потому что мама уже на работе, — сказал папа. — Она сегодня уехала рано утром.

— Но госпожа Рёзель такая ворчунья! — простонала Вильма. — К тому же Паолина не против остаться дома вместе с матрасом.

Папа не смог бы вздохнуть тяжелее, даже приди ему в голову забросить на плечи целый автомобиль и отнести его в подвал вниз по лестнице.

— Ну хорошо, — наконец решил он. — Паолина останется дома. Быть может, тогда матрас разжалобится и всё-таки её отпустит.

— А как же школа? — пропищала Лили.

— Будет работать по расписанию, — ответил папа. — Но, конечно, без Паолины.

— Хорошо, — протянула Вильма.

Её голос прозвучал довольно.

— Правда, Паолине так нравится ходить в школу, — с сожалением произнёс папа.

— Вовсе нет, — пропищала Лили.

— В школе совсем неинтересно, — заявил Шарли-Шлаппо. — И там все ведут себя нечестно.

— А нередко ещё и глупо, — добавила кудрявая овечка Вильма.

Лишь Паолина сохраняла молчание, продолжая лежать неподвижно и периодически сладко позёвывая.

— Ох-ох-ох, — сказал папа. — А вот это новости! И кто же в школе ведёт себя глупо? Думаю, мне стоит прогуляться к Бену и посмотреть, не приклеился ли он тоже к кровати.

— Он точно не приклеился, — так быстро вырвалось у Паолины, что лишь два последних слова прозвучали по-тимитомски.

ШАРЛИ-ШЛАППО

ВИЛЬМА

Папа удивлённо приподнял брови.

— И откуда такая уверенность?

— Потому что Бен теперь дружит с Лукасом, он с ним хомячком поделился, — взволнованно проблеяла Вильма и гордо выгнула спинку, как настоящая овечка.

— Чьим хомячком? — изумился папа.

— Да Лукаса же! — воскликнул Шарли-Шлапш.

— О боже, — воскликнул папа и прикрыл лицо рукой. — Надеюсь, в процессе они не додумались разделить хомячка пополам?!

— Не додумались, — буркнул Кнутфеликс.

— Но они всё равно поступили плохо, — сказал Тимитом.

— И госпожа Бреннер — тоже, — пропищала Лили тоненьким птичьим голоском.

— Ничего не понимаю, — вздохнул папа. Он осторожно сел на край кровати рядом

с Паолиной и нежно погладил её по руке кончиками пальцев. — Я думал, госпожа Бреннер — самая милая учительница на свете.

— Вот уж нет, — проворчал Тимитом.

На этом выдержка у Паолины кончилась — слёзы хлынули гладом.

— Лучше вставай, — всхлипнула она и ударила папу по руке. — А то тоже приклеишься к матрасу.

— Не переживай, — сказал папа. Он снял тапочки, забрался к Паолине под одеяло и крепко её обнял. — Мы приклеимся вместе, — добавил он решительным и по-медвежьки густым голосом. — И вместе разберёмся с делом о поделённом хомячке. Обещаю!

ПРОБЛЕМА С ХОМЯЧКОМ

— Всё не так просто, — сказал папа, хорошенько приклеившись к матрасу в обнимку с Паолиной и выслушав её рассказ. — Над этим делом стоит хорошенько подумать.

— Что тут думать? — возразила Паолина, смахивая последнюю слезинку из уголка глаза. — Всё совершенно однозначно!

— Всё равно, — ответил папа. — Сначала нужно обсудить это с мамой и всем вместе принять решение.

— Но так нельзя, — прокричала Паолина. — Мама на работе и вернётся только после обеда, когда будет уже слишком поздно!

В таком возмущённом состоянии клейкость матраса была Паолине нипочём: она принялась прыгать на нём, словно на батуте — того и гляди взлетит над папой и спланирует на ковёр.

— Ох, что ты, — воскликнул папа. — У нас ещё полно времени! Пара дней ничего не решат.

Он взъерошил Паолине волосы, поцеловал её в нос и сел на кровати.

— А сейчас поспешим! — сказал он. — Тогда мы, возможно, ещё успеем ко второму уроку.

— Но я же сегодня не иду в школу, — проворчала Паолина.

Как она пойдёт без хомячка, кролика или собаки?

Неужели папа этого так и не понял?

Она же ему всё-всё объяснила!

Ведь сегодня у них вместо обычных уроков проводился день домашних животных. И поэтому все дети из первого «Б», у которых были домашние животные, могли принести их с собой в школу.

— Кошек, крокодилов и верблюдов, так и быть, оставьте дома, — сказала Надя Бреннер, их классная руководительница.

Она, конечно, шутила. Кто станет держать дома верблюда или крокодила? Они живут только в зоопарках, а лучше всего в дикой природе.

Запрет на кошек объяснялся просто: кошки — известные хищники, а в классе непременно будут хомячки, мыши, кролики и птички.

— Ты можешь поухаживать за зверьком Катеньки, — предложила она Мии, обладательнице кошки по имени Молли, госпожа Бреннер.

Катенька и Мия были подружками. А ещё у Катеньки была морская свинка — а их Мия любила не меньше, чем кошек.

Так что в этом никаких сложностей не было.

Сложности были у Паолины с Беном — у них одних во всём классе не было домашних животных. Когда этот факт обнаружился, Лукас тут же вскочил и прокричал на весь класс, что может поделиться с Беном своим хомяком.

— Это очень мило с твоей стороны, — завила его госпожа Бреннер. — Но в следующий раз говори, пожалуйста, потише.

Конечно, Паолина тоже хотела в команду к Лукасу.

Ведь Бен был её самым-самым-самым лучшим другом, да и хомячки её вполне устраивали. Она же всё равно сидела с мальчиками за одной партией!

Практично и логично — не так ли?

Но госпожа Бреннер эту идею не поддержала.

— В классе будет ещё за кем поухаживать. Трое человек — не многовато ли внимания для одного хомячка? — улыбнулась она. — Может быть, присоединишься к Фриде и её черепашке?

«Нет!» — подумала Паолина и как можно быстрее опустила голову, чтобы учительница не заметила, как от гнева у неё заблестели глаза.

Девочка уже почти два месяца ходила в школу, но за всё это время ни словечком не обменялась с Фридой. И вообще, черепашки ужасно противные.

Скучные. Медленные. И безо всякой шерстки.

Да даже глупые рыбки и то были бы лучше. Или лягушки.

— Но Бен мой самый лучший друг, — пробормотала Паолина.

«Самый-самый» она намеренно опустила. Не хватало ещё всем узнать, как сильно ей нравится Бен. Это только её дело — и, может быть, ещё Бена. Но только может быть!

— Тили-тили-тесто жених и невеста! — воскликнул Фредерик, и половина класса сразу же захихикала.

Обо всём этом Паолина рассказала папе. Он, как всегда, внимательно её выслушал и однозначно всё прекрасно понял. И поэтому в голове Паолины никак не укладывалось, зачем им нужно ещё раз всё обсуждать с мамой.

Ведь всё яснее ясного — ей срочно нужен собственный хомячок!

В зоомагазинах полным-полно грызунов. Папе нужно всего лишь быстро купить одного — ну и ещё клетку и немного корма, — и это сразу решит все проблемы!

Паолина и Бен могли бы вместе ухаживать за её хомячком, а Лукас пусть возится со своим.

И Фриде вряд ли так уж нужна компания Паолины. Она всё равно ведёт себя так, будто ей больше нравится быть одной.

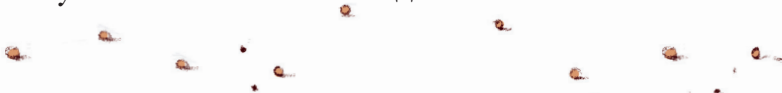
Но, к сожалению, папа считал иначе.

Прежде чем сломя голову бежать покупать хомячка, стоило обсудить это с мамой и госпожой Бреннер.

Пусть Паолина не сомневается — в конце концов всё снова будет хорошо. Как и всегда.

Глупости!

Можно подумать, что из-за покупки хомячка случится стихийное бедствие!

Этим утром размякшие мюсли были совсем невкусными.

Паолина грустно водила ложкой по тарелке туда-сюда.

— Может, тебе лучше налить какао? — спросил папа.

— Нет, — проворчал Кнутфеликс, который сидел на мамином стуле и мрачно смотрел по сторонам.

Ему ужасно не нравилось, когда Паолина грустила, или сердилась, или отчаивалась, или — вот как сейчас! — чувствовала всё и сразу.

— Хорошо, — сказал папа. — Нет так нет.

Он намазал любимым паштетом Паолины два куска хлеба, сложил их вместе и убрал

в контейнер. Ещё внутрь отправилась пара кусочков морковки, а рядом с контейнером примостилась бутылка с яблочным лимонадом.

Паолине показалось, что папа немного обиделся на неё, но она ничего не сказала. Вечно эти взрослые болтают! Болтают и ничего не делают.

Вот только когда Паолина грустила, всё вокруг начинало происходить ужасно медленно.

**СКОЛЬЖЕНИЕ ЛОЖКИ ПО ТАРЕЛКЕ МЮСЛИ.
ВЫЛЕЗАНИЕ ИЗ-ЗА СТОЛА.
СБОРЫ В ШКОЛУ.
ВЫТАСКИВАНИЕ КУРТКИ ИЗ ШКАФА.
И ОСОБЕННО ЗАСТЁГИВАНИЕ МОЛНИИ.**

Тем временем папа принёс из комнаты Паолины небесно-голубой рюкзак с бирюзово-морским отливом и положил в него контейнер со школьным обедом и бутылку с яблочным лимонадом.

Папа уже собрался и стоял в коридоре. В одной руке бренчали ключи от машины, а пальцы другой барабанили по комоду.

Дзынь-дзынь-дзынь!

Тук-тук-тук!

— Маме очень нравятся хомячки, — Паолина решила попробовать ещё раз.

— Так-так... И когда же она такое говорила?

— Не помню, — пробормотала Паолина. — Кажется, позавчера или около того.

— Или вообще лет семь назад, — заявил папа.

Пф!